

В книгах «Новая хронология Руси, Англии и Рима» и «Реконструкция всеобщей истории» мы высказали мысль, что имя «Пугачев» — это попросту ПУГАЧ, то есть не настоящее имя или фамилия, а ПРОЗВИЩЕ, которое романовские историки придумали либо последнему царю-хану Московской Тартарии со столицей в Тобольске, либо его главному полководцу. Скорее всего, сегодня мы просто не знаем подлинного имени этого человека. Оно было намеренно вытерто со страниц русской истории. Последнего полководца Руси-Орды середины XVIII века романовская администрация прозвала ПУГАЧЕМ. По-видимому, потому, что он действительно сильно НАПУГАЛ династию Романовых, когда попытался распространить власть огромной Московской Тартарии обратно, на территорию европейской части старой Руси-Орды. Мысль, что имя «Пугачев» — это просто прозвище-кличка ПУГАЧ, подтверждается старыми документами. Например, об этом прямо говорит В. И. Даль — современник и друг А. С. Пушкина [76], том 2, с. 222—223. Отметим, что В. И. Даль служил в то время «чиновником особых поручений при оренбургском генерал-губернаторе» [76], том 2, с. 452.

В. И. Даль помогал А. С. Пушкину, когда тот приехал на Урал специально для сбора уцелевших здесь сведений о «Пугачевской войне» [76], том 2, с. 223—224, 452. Опираясь на подобные свидетельства, «Пугачева» называют ПУГАЧЕМ и некоторые современные комментаторы. См., например, [76], том 2, с. 453, комментарий 1.

Как мы уже отмечали, победив Московскую Тартарию в тяжелой Пугачевской войне, Романовы приложили затем много усилий, чтобы изобразить эту крупномасштабную войну как крупный, но, в общем-то, рядовой крестьянский бунт, возглавленный каким-то неизвестным донским казаком Пугачом. Романовские историки заявили, будто главной ставкой «Пугача» была ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО уральская «слобода Берды» [76], том 2, с. 452. Вряд ли это так. Как мы теперь начинаем понимать, романовские историки постарались преуменьшить масштаб войны 1773—1775 годов. И вообще исказить ее смысл. В рамках этой деятельности настоящую столицу русско-ордынского хана «переместили» (на бумаге) в уральскую станицу-слободу. Которая, скорее всего, была лишь одной из многих военных ставок ордынцев. Вероятно, Б-ЕРДЫ — одно из многочисленных старых ОРДЫНСКИХ названий, которых на Урале и в Сибири было тогда еще предостаточно. Как и в европейской части Руси. Не исключено, что название БЕРДЫ доносит до нас воспоминания о Б-ОРДЕ, то есть БЕЛОЙ ОРДЕ — ордынском государстве. Считается, что во времена Пугачева станица Берды находилась «в семи верстах от Оренбурга (сейчас город распространился и на эту территорию). Во время осады Оренбурга слобода была центром повстанческой армии, ПУГАЧЕВЦЫ НАЗЫВАЛИ ЕЕ МОСКВОЙ (! - Авт.)» [77], с. 304. Последнее свидетельство весьма любопытно и

многозначительно. Тот факт, что пугачевцы называли одну из своих военных ставок Берды, то есть Б-ОРДА, также именем МОСКВА, хорошо согласуется с нашей реконструкцией. Согласно которой Пугач-Пугачев возглавлял регулярную армию огромного сибирско-американского государства, называвшегося в то время МОСКОВСКОЙ Тартарией. Об этом государстве мы подробно рассказали в книге «Реконструкция всеобщей истории. Книга 1». Согласно Британской Энциклопедии 1771 года столицей Московской Тартарии до второй половины XVII века был сибирский город Тобольск [48], том 2, с. 682—684. Между прочим, начиная со времен Петра I, столицей европейской части России, захваченной Романовыми, был объявлен Петербург. Скорее всего, название МОСКОВСКОЙ Тартарии, как и тот факт, что пугачевцы именовали свою военную ставку около Оренбурга — МОСКВОЙ, объясняется тем, что сибирско-американская Орда еще хорошо помнила, что столицей Руси-Орды когда-то — впрочем, не так уж давно — была именно Москва. Как мы теперь начинаем понимать, войска Пугача-Пугачева стремились восстановить Орду в ее прежних пределах и вернуть столицу Орды в Москву.

Когда через 58 лет после окончания Пугачевской войны (1775) А. С. Пушкин в 1833 году прибыл на Урал, здесь его встретила уже насквозь фальшивая романовская история, изготовленная трудами усердных романовских администраторов за прошедшие примерно 60 лет. В. И. Даль повез А. С. Пушкина, как он сам пишет, «В ЗНАМЕНИТУЮ СЛОБОДУ БЕРДЫ - СТАВКУ ПУГАЧЕВА» [76], том 2, с. 453. Как А. С. Пушкин, так и В. И. Даль уже были искренне убеждены в том, будто все события «крестьянского бунта» вращались, в общем-то, лишь вокруг территории южного Урала. Романовские историки всеми силами старались преуменьшить масштаб войны. Якобы хаотичные казачьи и крестьянские мятежные толпы. Якобы неорганизованная, хотя и страшная, башкирская конница Са-лавата Юлаева. Мелкие, хотя и кровавые, стычки. Маленькие деревни, казачьи станицы. И т. п. Мол, ничего особо серьезного.

Здесь Пушкин побеседовал с несколькими берлинскими старухами, которые ему рассказали о Пугаче-Пугачеве [76], том 2, с. 222. Сейчас уже трудно понять, что в их рассказах было от подлинной истории, а что им внушили местные романовские администраторы за прошедшие 60 с небольшим лет. Однако, по-видимому, кое-что из реальной истории местные казаки все же помнили. Хотя уже очень и очень смутно. Они рассказали Пушкину о каких-то «ЗОЛОТЫХ ПАЛАТАХ ПУГАЧА» [76], том 2, с. 222. Вероятно, это были воспоминания о каком-то далеком золотом дворце царя-хана Московской Тартарии. Скорее всего, в его настоящей столице. Может быть, в Тобольске, который был столицей огромной Московской Тартарии [48], том 2, с. 682—684. С другой стороны, не исключено, что ордынского полководца сибирско-американской Московской Тартарии действительно сопровождал во время его похода на романовскую Россию большой и роскошный двор. Во время пребывания на Урале могли возвести богатый временный дом для полководца, или даже для самого царя-хана. Например, в уральской казачьей станице Берды = Б-ОРДА. Воспоминания о

походном царском доме и дошли до Пушкина в виде смутных рассказов о «ЗОЛОТЫХ ПАЛАТАХ Пугача».

Затем, когда романовские чиновники начали перекрашивать ордынского царя-хана, или его главного полководца, — в самозванца, дикого разбойника Пугача, народные воспоминания о его Золотых Палатах стали звучать как-то странно. Подтасовывая историю, историки сами создали яркий диссонанс внутри своей новой версии. Пришлось авторитетно объяснить местным казакам, что на самом деле никакого Пугачевского Золотого Дворца не было. Все это, мол, цветистые фантазии. Ваши отцы и деды, простые уральские казаки, приняли за золото обычную медь. Вот и В. И. Даль, сообщая о «бердынских старухах, которые помнят еще «золотые» палаты Пугача», тут же поспешно разъясняет: «ТО ЕСТЬ ОБИТУЮ МЕДНОЮ ЛАТУНЬЮ ИЗБУ» [76], том 2, с. 222. Надо полагать, здесь В. И. Даль, вслед за местными жителями, повторяет искаженную версию, придуманную романовской администрацией. Продолжая свой рассказ о поездке вместе с А. С. Пушкиным по южному Уралу, В. И. Даль сообщает: «Мы отыскивали старуху, которая знала, видела и помнила ПУГАЧА. Пушкин разговаривал с нею целое утро; ему указали, где стояла ИЗБА, ОБРАЩЕННАЯ В ЗОЛОТОЙ ДВОРЕЦ (?-Авт.)» [76], том 2, с. 223.

Итак, ЗОЛОТЫЕ ПАЛАТЫ ордынского царя-хана романовские администраторы объявили простой крестьянской избой, обитой «медной латуной». Современные историки пишут так: «В 1833 году еще сохранялась изба — «дворец» Пугачева... Обыкновенная изба была обита изнутри ЗОЛОТОЙ БУМАГОЙ — «шумихой», отчего и называлась «золотой дворец»» [77], с. 304. Как мы видим, одни историки глубокомысленно рассуждают о медной латуни, другие, столь же авторитетно, — о золотой бумаге. Скорее всего, как те, так и другие весьма далеки от истины.

По-видимому, о Пугаче-Пугачеве, сразу после его разгрома, стали усиленно и весьма широко распространять специально придуманные басни. Дабы утопить правду в потоке анекдотов. Впрочем, иногда в них могли причудливо преломляться какие-то подлинные, но уже почти забытые события. Например, В. И. Даль говорит: «Пушкин слушал все это — извините, если не умею иначе выразиться, — с большим жаром и хохотал от души следующему анекдоту: Пугач, ворвавшись в Берды... вошел также в церковь. Народ расступился в страхе, кланялся, падал ниц. Приняв важный вид, Пугач прошел прямо в алтарь, сел на церковный престол и сказал вслух: «Как я давно не сидел на престоле!» В мужицком невежестве своем он воображал, что престол церковный есть царское седалище. Пушкин назвал его за это свиньей и много хохотал» [76], том 2, с. 223.

Может быть, в этом анекдоте искаженно отразились какие-то реальные события. Ведь ордынский царь-хан действительно был как светским, так и духовным государем. Его престол олицетворял как царскую, так и церковную власть в Орде. См. подробности в книге «Библейская Русь» или «Русь-Орда на страницах библейских книг».

Стоит отметить, что вплоть до времен Пушкина среди уральских казаков все еще жило воспоминание, что Пугач-Пугачев был не каким-то самозванцем, а **НАСТОЯЩИМ ЦАРЕМ**. Или же полномочным представителем настоящего царя. Согласно нашей реконструкции так оно и было. Во всяком случае, сообщая о своей поездке вместе с государем наследником по окрестностям Оренбурга, В. И. Даль пересказывает свою беседу со старой казачкой: «Старуха радушно стала собирать на стол. «Ну что, — сказал я, — чай, рады дорогому гостю, государю наследнику?» — «Помилуй, как не рады? — отвечала та, — ведь мы тут... **ЦАРСКОГО ПЛЕМЕНИ НЕ ВИДЫВАЛИ ОТ САМОГО ОТ ГОСУДАРЯ ПЕТРА ФЕДОРОВИЧА...**» То есть — от Пугачева» [76], том 2, с. 229. Около города Уральска (бывшего Яика), «недалеко от «курений» находилась **ХАНСКАЯ** роща — название бытует и по сей день. Его связывают с обычаем вести все переговоры казацких старшин с казахскими (то есть с казацкими. — Авт.) ханами именно в этой роще... По другой легенде... в ней (в роще. — Авт.) совершался обряд возведения в ханы правителя **ВНУТРЕННЕЙ ОРДЫ** Букея и его сына Джангира... Пушкин рощу видел, и название ее ему так или иначе объяснили провожатые» [77], с. 310.

Отметим интересный штрих. Историки сообщают, что после пленения Пугача-Пугачева следствие по его делу «завершилось судом, который происходил 30—31 декабря (1774 года. — Авт.) **В ТРОННОМ ЗАЛЕ КРЕМЛЕВСКОГО ДВОРЦА**» [78], с. 66. Спрашивается, если бы Пугач-Пугачев был простым казаком-самозванцем — как в том нас много лет упорно уверяют романовские историки, — неужели для суда над ним был бы избран знаменитый Тронный зал Кремлевского Дворца? Вроде бы как не по чину. Совершенно не тот ранг. А вот если в его лице — независимо от того, кто на самом деле предстал перед судом под выдуманной кличкой Пугача-Пугачева, — осуждали Московскую Тартарию и радостно праздновали победу над ней, то символический выбор Тронного зала Москвы становится абсолютно естественным. И даже в определенном смысле необходимым. Где же, как не в **ТРОННОМ ЗАЛЕ КРЕМЛЯ**, в старой столице Руси-Орды, Романовы могли торжественно отметить такую славную победу над Русью-Ордой!

Как мы уже отмечали в книге «Реконструкция всеобщей истории. Книга 1», Романовы постарались стереть с карты многие названия, напоминавшие о Пугачевской войне. **РЕКА ЯИК БЫЛА ПЕРЕИМЕНОВАНА В УРАЛ. ЯИЦКОЕ КАЗАЧЕСТВО СТАЛО ИМЕНОВАТЬСЯ УРАЛЬСКИМ. ВОЛЖСКОЕ КАЗАЧЬЕ ВОЙСКО БЫЛО РАСФОРМИРОВАНО. БЫЛА ЛИКВИДИРОВАНА ЗАПОРОЖСКАЯ СЕЧЬ** [79], с. 172. **ЯИЦКИЙ ГОРОДОК БЫЛ ПЕРЕИМЕНОВАН В УРАЛЬСК** [77], с. 307.

«После того как движение Пугачева было подавлено, его (Яицкий Городок. — Авт.) переименовали «ДЛЯ ПРЕДАНИЯ ВСЕГО СЛУЧИВШЕГОСЯ ВЕЧНОМУ ЗАБВЕНИЮ И ГЛУБОКОМУ МОЛЧАНИЮ» (КАК ОТМЕЧАЛОСЬ В УКАЗЕ СЕНАТА)» [77], с. 307.

В связи с этим не очень понятна подлинная позиция А. С. Пушкина в отражении событий Пугачевской войны. Его поездка на Урал носила, в общем-то, официальный характер. При сборе материалов его сопровождал В. И. Даль, бывший в то время «чиновником особых поручений при оренбургском генерал-губернаторе» [76], том 2, с. 452. Не был ли А. С. Пушкин фактически направлен Романовыми в Пугачевские места Урала для закрепления в умах современников «правильной версии» истории Пугача-Пугачева? А. С. Пушкин был уже знаменитым поэтом, его слово много значило. Ему верили. Опубликовав свою версию истории этой войны и расставив в ней акценты нужным образом, А. С. Пушкин мог, вольно или невольно, исполнять совершенно конкретный социальный заказ Романовых.

В то же время активный интерес А. С. Пушкина к истории Пугача-Пугачева мог иметь и другие причины. Согласно романовской версии самозванец Пугач-Пугачев выступал как царь Петр III Федорович. Напомним, что Петр III — муж Екатерины II — был, как считается, убит по ее приказу в 1762 году [78], с. 20. Среди тех, кто во время мятежа остался верен Петру III, был, оказывается, Лев Александрович Пушкин — дед А. С. Пушкина по отцовской линии. А. С. Мыльников сообщает: «Так, подполковник артиллерии Л. А. Пушкин призывал солдат не поддаваться уговорам, а оставаться верными присяге... Многие... были арестованы, а Л. А. Пушкин — сурово наказан... Л. А. Пушкина заточили в крепость. После выхода оттуда вплоть до самой смерти в 1790 г. он уже никогда не служил Екатерине II. Любопытно, что это был по отцовской линии дед А. С. Пушкина, о котором последний в автобиографических набросках НЕ БЕЗ СИМПАТИИ писал: «Лев Александрович служил в артиллерии и в 1762 году, во время возмущения, остался верен Петру III. Он был посажен в крепость и выпущен через два года»» [78], с. 22.

Так что, отправляясь в 1833 году на Урал, А. С. Пушкин получал возможность соприкоснуться с историей императора Петра III, за верность которому в свое время пострадал его дед. Представляется естественным, что А. С. Пушкин мог иметь и свой собственный глубокий интерес в распутывании темных событий 60—70-летней давности. Его волновала история семьи, пушкинского рода. Даже если А. С. Пушкин действительно в каком-то смысле вынужденно исполнял негласный романовский заказ, он мог воспользоваться предоставившейся ему уникальной возможностью проникнуть в подлинные события пугачевской эпохи, оказавшись в ранге официального историка

императорского двора. Которому открывались многие запертые двери.

Однако вряд ли сегодня мы можем узнать — какую часть материалов, обнаруженных на Урале, А. С. Пушкину разрешили включить в его «Историю Пугачева», а какую — нет. И какова вообще судьба тех собранных им сведений, которые могли быть неприятны Романовым. Как мы теперь понимаем, А. С. Пушкин имел уникальную возможность очень многое понять и узнать об истории вытертого со страниц романовской истории огромного сибирско-американского государства — Московской Тартарии. Но Сенат уже издал СПЕЦИАЛЬНО ПО ПОВОДУ ВОЙНЫ ПУГАЧА-ПУГАЧЕВА абсолютно ясный указ «ПРЕДАТЬ ВСЕ СЛУЧИВШЕЕСЯ ЗАБВЕНИЮ И ГЛУБОКОМУ МОЛЧАНИЮ» [77], с. 307. Так что осторожную позицию современников вполне можно понять. Стоит ли нарушать Указ Сената и «копать» там, где не следует.

Приказ «навсегда и все забыть о Пугачеве» был проведен в жизнь романовской администрацией на Урале и в Сибири с железной твердостью и абсолютно последовательно. После поражения ордынских армий Пугача-Пугачева по захваченным Романовыми территориям прокатилась кровавая волна репрессий. Они были настолько масштабными, что быстро и надолго «воспитали в нужном духе» уцелевшее местное население и их потомков. Во время нашего посещения уральских городов Миасса и Златоуста в августе 1999 года сотрудники местного краеведческого музея города Златоуста рассказали нам следующее. По сохранившимся до сих пор в этих местах воспоминаниям и архивным данным, большинство жителей Златоуста были казнены романовскими войсками (повешены), поскольку военные заводы Златоуста, как, впрочем, и вообще Южного Урала, лили пушки для армии Пугача-Пугачева. Кроме того, победители припомнили, что «мастеровые Златоустовского завода ушли под знамена Емельяна Пугачева ЕДВА ЛИ НЕ ПОГОЛОВНО» [80], с. 104. Рядом с Каргалинской слободой (ныне Татарская Каргала) и Сакмарским городком (ныне село Сакмара) расположены горы, до сих пор носящие красноречивые имена ВИСЕЛИЧНАЯ и РУБЛЕВАЯ, от слова РУБИТЬ. «Названия которых, — как сообщают местные историки, — соотносят с РАСПРАВОЙ НАД ВОССТАВШИМИ, когда весной 1774 года царские войска разгромили здесь Пугачева и он вынужден был бежать в Башкирию» [80], с. 97.

Через 60 лет после Пугачевской войны, когда сюда в 1833 году прибыл А. С. Пушкин, местные казаки со страхом касались запретной пугачевской темы, дабы не сказать чего-нибудь лишнего. В этом отношении показателен следующий характерный эпизод, приведенный В. И. Далем в его воспоминаниях. Расспросы А. С. Пушкина о Пугачеве и подаренный им одной из старых казачек червонец ИСПУГАЛИ казаков станицы Берды. В. И. Даль писал: «Бабы и старики не могли понять, на что было чужому приезжему человеку расспрашивать с таким жаром о разбойнике и самозванце, С ИМЕНЕМ КОТОРОГО БЫЛО СВЯЗАНО В ТОМ КРАЮ СТОЛЬКО СТРАШНЫХ ВОСПОМИНАНИЙ...

ДЕЛО ПОКАЗАЛОСЬ ИМ ПОДОЗРИТЕЛЬНЫМ: ЧТОБЫ-ДЕ ПОСЛЕ НЕ ОТВЕЧАТЬ ЗА ТАКИЕ РАЗГОВОРЫ, ЧТОБЫ ОПЯТЬ НЕ ДОЖИТЬ ДО КАКОГО ГРЕХА ДА НАПАСТИ. И КАЗАКИ В ТОТ ЖЕ ДЕНЬ СНАРЯДИЛИ ПОДВОДУ В ОРЕНБУРГ, ПРИВЕЗЛИ И СТАРУХУ, И РОКОВОЙ ЧЕРВОНЕЦ И ДОНЕСЛИ...» [76], том 2, с. 223.

Надо полагать, что в конце концов местное население заставили выучить наизусть романовскую версию Пугачевской войны. С тех пор все научные экспедиции по сбору местного фольклора, скорее всего, уже наталкивались, в основном, на пересказ романовских исторических учебников, заученно звучащий из уст местных жителей. Мало что уцелело от подлинной картины XVIII века.

Стоит также обратить внимание и на следующее обстоятельство. Начиная с 1826 года, как считается, между А. С. Пушкиным и императором Николаем I был заключен некий договор о цензуре. Как пишут современные комментаторы, «это был договор не выступать против правительства, за что Пушкину предоставляется свобода и право печататься ПОД ЛИЧНОЙ ЦЕНЗУРОЙ НИКОЛАЯ I» [76], том 1, с. 15. Сохранились воспоминания современников о беседе Николая I с Пушкиным по поводу личной, цензуры императора. Известно следующее: «Часть беседы, КОТОРАЯ КАСАЛАСЬ ЦЕНЗУРЫ, сохранилась в памяти А. О. Россета: «Николай, спросив Пушкина, что он теперь пишет, и получив ответ: «Почти ничего, ваше величество, — цензура очень строга»... «НУ ТАК Я САМ БУДУ ТВОИМ ЦЕНЗОРОМ, - СКАЗАЛ ГОСУДАРЬ. - ПРИСЫЛАЙ МНЕ ВСЕ, ЧТО НАПИШЕШЬ» (Я. К. Грот, с. 288)» [76], том 1, с. 462.

Все это происходило 8 сентября 1826 года, то есть еще ДО ПОЕЗДКИ А. С. Пушкина на Урал [76], том 1, с. 461. Так что, скорее всего, пушкинская История Пугачева прошла жесткую цензуру самого царя или же романовских историков от его имени. Надо полагать, текст Пушкина был приведен в полное соответствие с романовской версией «Пугачевской войны».

В заключение приведем фотографию таблички помешенной в краеведческом музее города Хабаровска под старой картой из «Чертежной книги Сибири» С. У. Ремезова, рис. 7.11. Фотография любезно предоставлена нам Г. А. Хрусталевым.

Напомним, что Семен Ульянович Ремезов — известный русский картограф и историк XVII века. Его географический атлас из 23 карт «Чертежная книга Сибири» датируется 1699—1701 годами [24], с. 1114. Насколько нам известно, эта книга с тех пор не

НОВЫЕ ДАННЫЕ О ПУГАЧЁВЕ

Written by Г.В. Носовский, А.Т. Фоменко
Sunday, 11 July 2010 15:55 -

издавалась. Музейная табличка гласит, что на карте С. У. Ремезова «в устье Амура дано обозначение города с башнями и колоколами, а также подпись: «ДО СЕГО МЕСТА ЦАРЬ АЛЕКСАНДР МАКЕДОНСКИЙ ДОХОДИЛ И РУЖЬЕ СПРЯТАЛ И КОЛОКОЛА ОСТАВИЛ»». Под «ружьем», скорее всего, имелись в виду пушки, оружие вообще.

С современной точки зрения эта старая надпись звучит дико. Иначе не скажешь. Ведь о походе «античного» Александра Македонского в устье далекого таежного Амура в скалигеровской истории не может быть и речи. Тем более С ПУШКАМИ И КОЛОКОЛАМИ. Современный историк снисходительно скажет: что взять с необразованного Ремезова. Правильной истории он не знал. Правда, ему каким-то образом удалось составить прекрасный атлас Сибири. Но при этом он «неправильно фантазировал». Не стоит принимать его исторические фантазии всерьез.

Однако с точки зрения нашей реконструкции сведения Ремезова вполне осмыслены и правдоподобны. Поскольку царь Александр Македонский жил в XV веке, в эпоху великого османского = атаманского завоевания. Волны которого докатились и до Дальнего Востока. В том числе, до Китая и до Японии. В результате в Японии появились самураи = самарцы = самаритяне. В книгах [БР]:2 и [БР]:3 мы говорим об этом подробнее.